

А.В. Карташев, Р.А. Фирсов

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РУССКИХ АВИАТОРОВ В ЛЕТНЫХ ШКОЛАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1917 ГОДУ

В ходе Первой мировой войны русская армия, остро нуждавшаяся в летных кадрах, направила в Англию для обучения летному делу 112 офицеров и нижних чинов. Несмотря на ущемление собственных интересов, Королевский летный корпус был вынужден пойти навстречу союзной России в данном вопросе. В связи со сложностями обстановки, в которой проходило обучение русских пилотов, вызывает интерес вопрос организации их быта и повседневной жизни английской стороной.

Еще до прибытия российских учеников английские казначеи заинтересовались, как русским офицерам выплачивать суточные, оплачивать дорожные расходы, как выдавать пайки унтер-офицерам и рядовому составу. Представитель русской военной авиационной миссии в Англии подпоручик Юшкевич вынужден был документально подтвердить, что русские военные будут отвечать за свои расходы самостоятельно[1].

Вместе с тем англичане поставили задачу организовать надлежащее довольствие офицеров из России перед генералом Ф.К. Пулом, находившимся в это время в Петрограде на конференции союзников. От него требовалось отправить из российской столицы полный комплект провизии, обмундирования и снаряжения. Особо просили передать с посыльным как можно скорее 50 бутылок спирта[2].

О встрече англичанами в Ливерпуле русской команды вспоминал один из бывших курсантов Пранас Хикса: «Повсюду, куда бы мы ни шли или ни ехали, на улицах стояло множество встречающих нас, улыбающихся людей...». Оказавшись в Лондоне, русским авиаторам предоставили возможность осмотреть находящиеся поблизости аэродромы и заводы. О дальнейшей программе пребывания за рубежом Хикса писал: «В театре был организован концерт в честь русских летчиков. Выступали наш оркестр балалаек и хор, потом

английский оркестр и хор. Перед концертом мы провели несколько репетиций, во время которых познакомились с множеством англичан, с отличными английскими девушками, которые приглашали нас на развлечения»[3].

В Ридинг, где проходило теоретическое обучение, группа из 110 человек прибыла в сопровождении четырех переводчиков с английской стороны – одного офицера, двух обычных сотрудников и одного авиамеханика[4]. Среди русских офицеров и солдат английского языка не знал практически никто. Для общения с иноземными учениками английские летчики-инструктора использовали разговорник с небольшим набором фраз на английском и русском языках. Одна из фраз, произносимая в адрес русского ученика, звучала так: «Если Вы это сделаете, то будете разгромится».

Хикса, не будучи офицером, свидетельствовал, что он и его товарищи были поселены в общежитии в Ридинге по два человека в комнате. Судя по объявлениям в местных газетах, для офицеров снимались частные квартиры или комнаты.

О культурной программе пребывания русских офицеров и курсантов английская сторона тоже не забывала. У потомков английского летчика-инструктора лейтенанта Крантчлей (Лондон) сохранилась пара пригласительных билетов на концерты, организованные для гостей из России мэром городского округа Ридинга. Одно из мероприятий прошло в Ратуше этого пригорода Лондона в субботу 21 апреля 1917 года. Другим пригласительным билетом мэр известил, что «будет иметь удовольствие от Вашей компании на смокинг-концерте инструментальной музыки, который будет дан в Большом зале города, в следующей четверг, 26 апреля, в 5.30 вечера, для развлечения русских офицеров и курсантов, обучающихся в Школе инструкторов Королевского летного корпуса в Ридинге».

27 апреля 1917 г. для русских офицеров был организован праздничный ужин. Это мероприятие прошло после окончания теоретической части программы обучения. В личной коллекции

С.А. Подстаницкого (Москва) хранится пригласительный билет английского капитана Уорда на это мероприятие, в котором значится следующее:

Музыка. 1. Продолжай. 2. Красавица Нью-Йорка. 3. Грустный вальс. 4. Цикада. 5. Юмореска. 6. Цыганская любовь. 7. Выбор. 8. Это долгий путь до Типперери.

Вина. Коктейль а ля Маленький Анчутин. Шерри Коссов. Шабли Арманд. Водка Казак Ушаков. Мускатель Воейков. Шампанское Абаканович. Порт Старик Бельц. Ликер а ля Де Ладвез.[\[5\]](#)

Закуски. Обед. Закуски, икра. Консоме (крепкий бульон) из голубя. Лосось под майонезом. Цыпленок жареный. Овощи. «Персик Мельба». Безе. Десерт. Черный кофе.

Как видно из программы и меню, ужин был вполне дружественным. До или после ужина был сделан групповой фотоснимок, на котором запечатлено 34 человека, в том числе 8 русских офицеров. Их внешний вид был весьма «пестрым». Среди них не было даже двух одетых одинаково военнослужащих.

Штабс-капитан П.П. Абаканович запечатлен в армейском кителе защитного цвета без карманов и галифе. Вместо фуражки на голове его красовалась черная офицерская пилотка – предмет обмундирования русского летчика. Он был обут в шнурованные сапоги-ботинки, выше которых на английский манер были намотаны обмотки. Френч подпоручика Н.К. Анчутина отличался наличием карманов. Он носил брюки прямого покроя (навыпуск). Подпоручик А. Коссов вместо френча носил гимнастерку и обычную армейскую фуражку. В руках поручика В.И. Бельца, можно было видеть офицерскую трость – отживавший свой век атрибут армейской униформы, широко использовавшийся в XVIII-XIX веках. Несмотря на теплую погоду, на его руках были одеты легкие темные перчатки. Все это, а также взгляд и военная выправка выдавали в нем потомственного офицера. Колоритно смотрелась рослая фигура казака, в прошлом кавалерийского офицера штабс-капитана Порфирия Вяткина. Ничего, напоминавшего авиационного офицера, кроме эмблем на погонах, в нем не было: на голове – обычная

армейская фуражка, френч и галифе цвета хаки дополняли изящные кавалерийские сапоги с ремешками для шпор. Внешний вид заведующего обучением полетами кардинально отличали пышные усы вразлет.

Нижние чины русской армии не имели такого разнообразия в униформе, поэтому выглядели более однообразно, если не считать разнобоя в головных уборах. Вот как описывали англичане внешний вид русских солдат: «Одеты они были в некую разновидность кадетской формы Российской армии – элегантные темно-синие гимнастерки, которые всегда содержались в безупречном состоянии».

На более поздних снимках на груди курсантов засияли нагрудные знаки – «крылышки» пилотов Королевского летного корпуса.

Русские кадеты, что свойственно всем молодым людям, часто выдавали желаемое за действительное. Настоящие «крылышки» английского авиационного корпуса в оригинале выглядели как нашивка. Наши же кадеты часто фотографировались в студиях со значками, которые не являлись официальными знаками Корпуса. Подобные украшения изготовляли для себя члены семей английских летчиков. Тем самым выказывая уважение и гордость за своих родных. До наших дней дошло много вариантов таких значков. Сделаны они по заказу, и потому не имеют общего стандарта. Наши кадеты с радостью пользовались возможностью сфотографироваться с друзьями в ателье с блестящим знаком отличия на груди, хотя он и не принадлежал им. Позднее, когда многие кадеты получили настоящие нашивки, гордость летчика за полученное образование не имела границ. Даже в суровые годы Гражданской войны выпускники английских летных школ продолжали носить на груди эмблему с надписью «RFC» (Royal Flying Corps), причем некоторые – рядом с орденом Красного Знамени.

В фотоальбоме Ф.Комиссарова есть немало фотографий, запечатлевших русских учеников на прогулках по городу. По видам угадываются Лондон, Солсбери, Дентон. На одной из фотографий хозяин альбома запечатлен в цивильном костюме, галстуке и шляпе с тростью в руках, что говорит о достаточно свободном режиме

рядовых русских курсантов. Необходимо отметить, что география передвижения групп кадетов по Англии была весьма широка, что обуславливалось условиями летной подготовки. Пребывая за границей, будущие летчики в составе малых групп осваивали до 5-6 самолетов на нескольких аэродромах. Затем они могли меняться местами. В списке городов пребывания значились: Райслип, Оксфорд, Тетфорд, Ятесбури, Хендон, Ханслоу, Норхольт, Упавон и другие.

В альбоме Комиссарова есть несколько снимков одной и той же девушки. По свидетельству потомков, эта леди была английской любовью русского летчика. По поводу знакомств с англичанками Хикса писал: *«Были и девушки, хотевшие даже выйти замуж за кого-нибудь из русских летчиков, но наше руководство распустило слух, что нашим жениться нельзя. Это нас и спасло, так как в Англии существовал закон, по которому если молодой человек официально ухаживал за какой-либо девушкой, навещал ее дома и знакомился с ее родителями, то она на такого жениха могла подавать заявление в суд, требуя чтобы он женился на ней...».*

О свободном времени русских офицеров красноречиво говорят фотографии из архива семьи Кратчлей (Лондон). Штабс-капитан Абаканович, снискавший, как видно, особое уважение союзников, коротал свой досуг в обществе английских офицеров и их семей. Видно, что молодые люди находили общий язык для того, чтобы пообщаться в выходной день, вместе подурачиться, покататься на мотоцикле и тому подобное. Один из английских летчиков вспоминал: «Вскоре Абби (прозвище Абакановича – *Авт.*) удивил офицерскую «кают-компанию». Очевидно, он обнаружил, что шотландский виски весьма приемлемый напиток взамен его любимой водке. Однако он был откровенно разочарован тем, что даже большие охотники до выпивки из числа британских офицеров, никак не могли пить наравне с ним, а тем более перегнать его. Тем не менее, никто и никогда не видел его сильно пьяным. Мы часто дискутировали – специфическая ли это черта всех офицеров Русской армии или это влияние климата русских степей, который сформировал его

бесценный навык».

К слову сказать, для удобства общения русские парни заменяли свои имена иностранными аналогами: Иван становился Джоном, Георгий – Джорджем, Яков – Джеймсом, Михаил – Майклом и т.п. В своих мемуарах англичане указывали, что фамилии русских учеников были записаны исключительно на слух. Авторы статьи столкнулись с тем, что из-за этих вольностей исследование по некоторым персоналиям буквально заходило в тупик или направлялось по ложному пути. Для общения между собой английские инструктора называли наших кадетов уже почти забытым в России словом – «московиты». Но и наши кадеты не оставались в долгу. Как вспоминал Вольдемар Пост, англичан они называли не иначе как «англезы».

Что касается других качеств русских летчиков, то бывший английский инструктор Скринвер писал: «Мы радовались каждой минуте общения с ними, но, тем не менее, мы часто не понимали их. Они представляли собой странную смесь глубочайшей серьезности и веселой энергии. Как ученики, они все схватывали на лету, и большинство из них подавало хорошие признаки высококлассных пилотов. Их военная дисциплина и выучка очаровала бы любого сержанта Гвардии Его Величества. Они воспринимали команды или взыскания даже с некой долей любезности».

Распорядок летного дня курсантов был примерно такой. Полеты – утром, почти с восходом солнца, второй раз – вечером. Несмотря на раннее время, на полеты полагалось прибыть гладко выбритым. В противном случае инструктор отправлял ученика домой. Перед полетами предлагалась чашечка горячего кофе с пирожком или галетами. Летали по несколько часов. Днем изучали азбуку Морзе, разбирали и собирали пулеметы, стреляли по неподвижным и подвижным целям из пулемета и винтовки.

Профессия военного летчика в те годы была особо сложной и опасной. Хикса вспоминал: *Нам внушили, что разбиваются не в воздухе, а только при ударе о землю. Поэтому были случаи, когда выпущенный в первый самостоятельный полет ученик по десять раз заходил на посадку – и не решался приземлиться.*

За летный день в эскадрильи могло произойти до десятка аварий и катастроф с участием курсантов. Высокая смертность в учебных эскадрильях шокировала живых. Машины скорой помощи во время полетов находились на аэродромах с постоянно работающими двигателями, за что английские кадеты называли их «Голодные Лиззи».

Каждый курсант был обязан носить на правой руке серебряный браслет с пластинкой, на которой были выгравированы фамилия, имя, год рождения – для опознания тела в случае сторания при аварии. На кладбище Havelock в Лондоне обнаружены могилы двух русских солдат, погибших в ходе обучения – Георгия Смирнова и Андрея Новикова. Из документов Национального архива Великобритании и Музея Авиации следует, что среди погибших был также Александр Виноградов, еще несколько человек из России побывали в аварийных ситуациях, но остались живы.

Как отмечал английский летчик Скринвер, русские несли в себе отпечаток фатализма, обычно ассоциируемый с азиатами, что было достаточно странно осознавать учитывая то, что они проживали на территории, расположенной [по широте – *Авт.*] от Норвегии до Испании.

Суеверие – характерная черта многих летчиков. Русским пилотам пример подавали англичане. У лейтенанта Кратчлей был свой талисман удачи «Солнечный Джим», который всегда был с ним в кабине самолета. Талисман представлял собой маленькую тряпичную куклу (солнечного человечка) из золотистого материала, набитую ватой. Это был подарок летчику от знаменитой английской актрисы Беатрис Лилли, о чем свидетельствует надпись, которую сегодня можно увидеть только в ультрафиолетовом свете.

Отличались суеверностью и русские курсанты. Один из английских инструкторов вспоминал: «Они бы вообще не полетели в пятницу или в какой-нибудь другой день, если бы епископ подошел к ангарам или даже появился поблизости от них. Тогда никакого москвитя не было бы заставить забраться в самолет. Они распознавали

священника сразу же, несмотря на то, что тот ходил в такой же униформе и, кроме значков, выглядел в точности как любой другой офицер. Если деревенский пастор в сером одеянии с воротничком, оказывался поблизости, выказывая доброжелательность, они сбегали через запасной выход ангаров и исчезали до конца дня. После нескольких хитрых вопросов, заданных через переводчика, я заключил, что, хотя все были православными, они все еще подозревали священников в том, что те наделены тайной силой. Поэтому они для безопасности старались держаться от священников подальше, особенно когда предстояло впервые подняться в небо»[\[6\]](#). Инструктор Скринвер, в своих воспоминаниях, упоминал и еще один интересный факт. Русские кадеты, запершись в авиационном ангаре, в темноте, вооружившись револьверами, играли в «русскую рулетку». Но не в ту, которую мы представляем по фильмам советской эпохи. Они изобрели нечто новое. Стрелок находился в центре ангара, а «жертвы» прятались в темных углах помещения. Выстрел производился по звуку, на окрик. Сколько раз это продолжалось – сказать нельзя. Но английские офицеры, узнав об этом, прекратили «московитскую вакханалию». Они были шокированы выходкой русских кадетов. Ничего подобного им встречать не приходилось. Не обходилось и без курьезов. Летчик-инструктор Королевского летного корпуса Скринвер впоследствии вспоминал случай, происшедший однажды с одним из его учеников.

...Он взлетел в обычной неустойчивой, подобной бекасу манере – управляя ногами рулями направления. Он ушел прямым курсом на юг в утренний туман, не предпринимая попытки развернуть аппарат. Я чего-то все еще ждал, вглядываясь в небо. Ничего не произошло. Самолет в воздухе уменьшался, от волнения начало сосать под ложечкой. Я чувствовал себя покинутым и одиноким. Небо было пусто, наступила гнетущая тишина. Я проклинал себя за слабое знание русского языка. В голове крутились самые жуткие картины. Я представлял моего курсанта в самых ужасных ситуациях, которые только могли бы произойти с ним в полете. Я вернулся к ангарам и подсчитал приблизительное количество

бензина на борту самолета. Его было достаточно, чтобы добраться до Ла-Манша и утопить себя в нем. Если он продолжит следовать на юг, без встречного ветра, то это и произойдет. Я позавтракал. Ужасно было осознавать, что ты оправил человека на верную смерть. Я очень надеялся, что мои суждения и домыслы ошибочны. Появилась мысль просить перевода в строевое подразделение, где реальная война меньше разрывает нервы.

Через час или чуть позже, меня пригласили к телефону. Полиция в Питерборо захватила вражеского агента в странной униформе на самолете с британскими опознавательными знаками. Человек говорил сплошную тарабарщину, в своем кармане он имел пачку сигарет «Gold Flake» и копии текущих полетных заявок нашей эскадрильи, датированных вчерашним днем.

Я проглотил стоявший в горле ком, чтобы скрыть волнение. Я все объяснил собеседнику, и рекомендовал ему организовать хороший прием своему подопечному. «Машина цела? Взята под охрану? Я приеду очень скоро». Полиция казалась разочарованной – для нее это была бы хорошая история! «Он – русский, не так ли? Может, мы и не думали бы ничего плохого, но уж очень подозрительно он действовал. Теперь он пьет черный чай без сахара и молока!».

Причина случившегося выяснилась позже. Ученик при попутном ветре просто побоялся повернуть самолет в воздухе и продолжал лететь прежним курсом, пока не нашел место для посадки. Но англичане были рады, для них этот случай стал одновременно утешением – у их русских учеников были отличные навыки посадки самолетов в местах, непригодных для приземления.

Подобная история была рассказана еще одним инструктором.

Произошла она на другом аэродроме. Возможно, приведенный выше случай стал просто байкой у английских летчиков. Передаваясь из уст в уста, он обрастал новыми «подробностями». Поводом для ареста русского кадета по второй версии стало наличие у него Георгиевского креста, который был спутан с германской наградой. Английские фермеры были уверены, что захватили в плен немецкого летчика. Вызывает интерес, оценка личностных качеств русских курсантов

английскими инструкторами. «В отсутствие знания национальных черт русских, мы были сдержаны в физическом проявлении своих эмоций, но что-то мы все же смогли почерпнуть полезного из их менталитета. У Ушакова, крупного казака, были чувствительные руки – наверняка руки наездника – но он был медлительным, столь же невозмутимым как китаец: потребовалось ужасно много времени, чтобы исправить его внутренний дисбаланс. Из него бы не вышло пилота-разведчика, т.е. быстрого летчика-одиночки, но он был очень спокоен и надежен и мог бы преуспеть, летая на тяжелой машине. Конно, небольшой жилистый южанин, с постоянно бегающими карими глазами, был легковозбудимым для русского, но он смог бы выполнить все, что нужно. От нас требовалось сохранить его живым, пока его движения не станут автоматическими. Мы заметили, что казак не сильно нравился своим соотечественникам, как другие; возможно, он в прошлом был полицейским или каким-то бандитом. Российская Империя была большой и все еще в основном разобщенной; холодные степи Азии и опаленные солнцем пляжи Крыма выказывали ей одинаковую, правда, ненадежную преданность, но народы отличались по своему происхождению».

Похоже, что англичане могли путать русских или давать им неверные характеристики в своих мемуарах, написанных спустя годы. Известно, что Александр Адович Конно был сыном эстонского крестьянина. Он окончил четыре класса гимназии, добровольно вступил в русскую армию в 1916 году. Пять месяцев отслужил в легкой артиллерии, после чего его направили в школу летчиков. На казака, южанина он никак не был похож.

Не выдерживает никакой критики рассказ инструктора Франка Кортни о гибели Василия Копылова, этот человек успешно окончил обучение в Англии и вернулся на родину. Тем не менее, приведем эту историю, возможно, что-то подобное действительно имело место на самом деле. «...Однажды возвращаясь на аэродром Норхолт, впереди себя на расстоянии около 15 сотен футов я заметил Бристоль Файтер, явно находящийся в бедственном положении. Его все больше и больше затягивало в штопор. Летчик никак не мог вывести машину в

нужное положение, и в конечном итоге, самолет врезался в землю. После крушения самолет выглядел так, как будто кусок резины сжали до неузнаваемости. Я приземлился недалеко от места катастрофы и увидел все то, что осталось от пилота в русской форме. Это оказался кадет Копылов. Когда я вернулся в ангар, то был поражен тем, что находящиеся на отдыхе кадеты шумно хохотали. Это было вызвано тем, что Копылов выиграл какую-то сумму на кадетском тотализаторе в тот день, и теперь не сможет забрать свой выигрыш...»[\[7\]](#).

Время, проведенное русскими летчиками в Англии, сдружило многих из них. Однако Гражданская война заставила бывших однокурсников воевать друг против друга. Примечательно, тем не менее, что и в одном, и в другом лагере представители этой «английской» команды старались держаться вместе. Известны также факты встреч русских пилотов со своими зарубежными инструкторами за пределами Великобритании.

Как видно, на повседневную жизнь русских курсантов в Великобритании накладывали сильный отпечаток характер летной профессии с ее опасностями и рисками, а также продолжавшаяся война, к участию в которой будущие летчики реально готовились. Несмотря на это, английская сторона постаралась скрасить пребывание гостей из России насыщенной культурной программой и вполне дружественной атмосферой. Во многом благодаря сохранившимся воспоминаниям англичан в наши дни мы имеем уникальную возможность глубже узнать о буднях офицеров и нижних чинов российской армии в английских летных школах в разгар Первой мировой войны.

[\[1\]](#) British Archives. Air 2/10. Per. № 87/9512. Л. 8d.

[\[2\]](#) British Archives. Air 2/10. Per. № 87/9512. Лл. 14a, 19a.

[3] Из неоконченных воспоминаний П. Гикса (P.Hiksa) вольноопределяющегося 23-го Корпусного авиационного отряда // Sparnai (Крылья). – 1970. – №1, 3.

[4] British Archives. Air 2/10. Рег. № 87/9512. Л.13а

[5] В названиях напитков включены фамилии русских офицеров.

[6] Kenelm Scrivener. When we taught Russians to fly. RAF Museum London. X002-5442/001.

[7] Frank T. Courtney. Flight Path. My fifty years of aviation. London. 1973. Pages 114 – 116.

А.В. Карташев, д.и.н., профессор Ставропольского
государственного медицинского университета
Р.А. Фирсов, независимый исследователь,
Великобритания, Лондон